

СЕРГЕЙ РОМАНЮК

# ЧИСТЫЕ ПРУ ДЫ

СТОЛЕШНИКИ  
НА БЕРЕГАХ НЕГЛИННОЙ  
ЛУБЯНКА  
ЧИСТЫЕ ПРУДЫ  
ИВАНОВСКАЯ ГОРКА

ПРОГУЛКИ  
ПО МОСКВЕ  
С СЕРГЕЕМ  
РОМАНЮКОМ

**Сергей Константинович Романюк**  
**Чистые пруды. От**  
**Столешников до**  
**Чистых прудов**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9821948](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821948)*

*Сергей Романюк. Чистые пруды. От Столешников до Чистых прудов:*

*Центрполиграф; Москва; 2015*

*ISBN 978-5-227-05137-0*

**Аннотация**

Прогулки по Москве всегда интересны и содержат в себе некий элемент неожиданности, даже если и проходят по заданному маршруту. А поможет разобраться в хитросплетениях московских переулков известный москвовед и писатель Сергей Романюк.

# Содержание

Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	61

# **Сергей Романюк**

## **Чистые пруды. От Столешников до Чистых прудов**

© Сергей Романюк, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

\* \* \*





# Глава I

## Шубино. Глиници

### Между Тверской и Большой Дмитровкой

Переулки соединяют здесь две крупные радиальные магистрали: Тверскую – дорогу на Тверь, а впоследствии на Петербург, и Большую Дмитровку – путь к городу Дмитрову. Тверская в конце 1930-х гг. была реконструирована. Так, в самом начале она была расширена с 16–18 до 60 метров, и сейчас с правой стороны она начинается с большого жилого дома, который аркой перекрыл **Георгиевский переулок**, получивший название от монастыря, основанного во владениях боярина Федора Андреевича, по прозвищу Кошка, основателя знаменитого рода Кошкиных-Захарьиных-Романовых. Возможно, что в конце XIV в. или начале XV в. он и создал здесь небольшой монастырь с церковью Георгия, первой в Москве посвященной этому святому.

Одна из представительниц рода Кошкиных, дочь Юрия Захарьевича Аксины (Ксения), вдова князя Д. Ромодановского, жившая в собственных палатах в Георгиевском монастыре, покровительствовала своей племяннице Анастасии, ставшей в 1547 г. супругой царя Ивана IV Грозного, почему

и в преданиях этот монастырь прямо связывается с царицей Анастасией.

В Георгиевском монастыре находились две церкви – одна из них, посвященная святому Георгию, возможно, была упомянута в летописи в сообщении о пожаре 28 июля 1493 г.: «Того же месяца июля 28, в неделю, в 7 час дни, загоресея церковь на Песку святыи Никола, и в том часе встала буря великая, и кину огонь на другую сторону Москвы реки к Всем Святым, а оттоле за Неглину к каменной церкви к Егорию святому, в том часе нечислено нача горети в мнозех местех». Эта церковь была перестроена в 1701–1704 гг. Другая монастырская церковь была освящена во имя Казанской иконы и выстроена боярином Родионом Матвеевичем Стрешневым, жившим совсем близко отсюда, в 1652 г., а надвратная церковь во имя Спаса – в 1735 г. Монастырь ограбили, и он горел в 1812 г., а после уже не восстанавливался – его церкви были превращены в приходские в 1815 г.





*Георгиевская церковь в бывшем Георгиевском монастыре*

В Георгиевском монастыре были похоронены первый учитель Петра I Никита Зотов, князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, его сын Иван Федорович, генерал-фельдмаршал А. Б. Бутурлин, вице-канцлер М. Г. Головин, многие из Стрешневых, князей Троекуровых, Гагариных, Мезецких, Мещерских, Ромодановских и многих других.

Церкви бывшего монастыря были разрушены в 1935 г. На месте большей, Георгиевской, выстроили школу, а на месте

меньшей, Казанской, ничего нет, просто двор.

К концу XIX в. город настоятельно требовал новые источники энергии – конки не справлялись с пассажирским потоком, паровые машины на предприятиях уже ждали замены, газовое освещение никого не удовлетворяло. Единственным выходом был переход на электрическую энергию. В 1887–1888 гг. Общество электрического освещения построило на бывшей монастырской земле «символ» наступающих времен – первую в Москве электростанцию мощностью 612 киловатт, которая снабжала электроэнергией в основном центр города, сначала частных владельцев, а с 1893 г. от нее начали тянуть линии освещения. В помещении станции (№ 5 по Большой Дмитровке), построенной по проекту архитектора В. Д. Шера в псевдорусском стиле, зимой 1901/02 г. была устроена электротехническая выставка, где впервые в Москве демонстрировался прообраз современных радио и телевидения – «телеграф без проводов». В 1905 г. здание было переоборудовано под гараж, находившийся там и в советское время. Теперь же бывший «правительственный» гараж превратился в уютный выставочный зал, получивший название Малый, или Новый, Манеж. В 1996 г. в нем происходило празднование 100-летия одного из старейших московских музеев – Музея истории города.

На противоположной стороне переулка – невыразительное строение из стекла и бетона, место которому где-нибудь в промзоне (1969 г., архитектор Л. Н. Павлов и др.), в ко-

тором помещается Государственная дума. Поставленное без учета дальних городских перспектив, оно грубо вторгается в застройку и особенно плохо смотрится со стороны холма Лубянской площади. На угол Большой Дмитровки выходит часть здания бывшего Благородного собрания, отстроенного после пожара 1812 г. архитектором А. Н. Бакаревым. Между этими зданиями во дворе находится редкий памятник гражданской архитектуры – палаты, принадлежавшие главе Стрелецкого приказа, боярину И. В. Троекурову. О них и о соседних палатах князя В. В. Голицына, находившихся на месте современного здания Думы по Охотному ряду, писал в 1927 г. в журнале «Строительство Москвы» академик И. Э. Грабарь: «Замечательнейшая по красоте архитектурная перспектива получится после завершения начатых работ по восстановлению древних домов XVII в. Голицына и Троекурова... Москва получит редчайшие образцы гражданской архитектуры XVII в., дошедшие до нашего времени в столь малом количестве». Надежды академика не сбылись – после реставрации палаты Голицына были снесены, но вот троекуровские остались, оказавшись во дворе воздвигнутого по красной линии Охотного ряда здания.

Палаты Троекурова – комплекс разновременных построек: самый низ датируется XVI в., над ним – постройка середины XVII в., а в конце этого же столетия все здание было надстроено. Тут с 1965 г. находился Музей музыкальной культуры, ранее располагавшийся в консерватории, а ныне

переехавший в новое здание на 5-й Тверской-Ямской (улице Фадеева).

Параллельно Георгиевскому проходит **Камергерский переулок**, названный москвичами по придворным чинам двух видных и богатых здешних владельцев. Переулок этот назывался Квасным, потом Спасским – по Спасопреображенской церкви, стоявшей на его северном углу с Тверской улицей, Одоевским – по домовладельцу, Старогазетным – по типографии газеты «Московские ведомости», издававшейся неподалеку, и с 1923 по 1992 г. проездом Художественного театра, в честь театра, открытого в переулке в 1902 г.

Церковь Спаса Преображения, стоявшая на самом углу переуллка с Тверской улицей, упоминается в документах не ранее 1621 г. По другую сторону переуллка находилось кладбище. В большой пожар 1773 г. церковь сгорела, а в 1786 г. она, и в особенности колокольня, выходявшая на улицу, были настолько ветхи, что московская Управа благочиния потребовала «весьма ветхую и к падению склонную и для проходящих по Тверской улице опасную каменную колокольню подкрепить и исправить починкою или, в предосторожность, дабы от нечаянного оной падения убивства народного последовать не могло, и совсем разобрать». Консистория предписала причту и прихожанам, чтобы они ветхую колокольню «всемерно старались возобновить», однако за неимением средств у прихожан на поправку церковь пришлось вообще закрыть и разобрать, что и произошло в 1789 г. Материал

после разборки отдали на постройку церквей Дмитрия Солунского у Тверских ворот и Вознесения на Гороховом поле, а землю продали владельцам соседнего участка.

В XVII в. участок этот принадлежал боярину князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому, бывшему воеводой и сыгравшему большую роль в присоединении Украины. По отзывам, он отличался «свирепостию характера и телесною силою, был больше солдат, чем вождь; превосходил всех военною пылкостью, неутомимою деятельностью, быстротою и львиным мужеством». Его убили стрельцы во время восстания 1682 г., дер жавшие на него обиды за суровое обращение с ними в походах. Участок перешел к его сыну боярину Михаилу и вдове Григория Григорьевича, за которой двор числился по переписи 1716 г. Владельцем с 30 октября 1758 г. записан князь Василий Сергеевич Долгоруков, который вскоре перепродал его сестрам графиням Екатерине и Наталье Головкиным. В ужасный пожар 14 июля 1773 г. все строения здесь сгорели, и участок продали князю Михаилу Ивановичу Долгорукову, выстроившему все заново. Главный дом находился посреди обширного двора. Тут жил его сын, известный поэт и мемуарист, любитель театра князь Иван Долгорукий.

В 1809 г. владельцем стал князь Павел Михайлович Дашков, сын известной в летописях русского Просвещения княгини Дашковой, урожденной Воронцовой, которая порвала с ним отношения: причиной раздора послужила женитьба

сына на незнатной и бедной дворянке в то время, когда он командовал полком в западных губерниях. Княгиня, известная своим тяжелым нравом, прокляла сына. Дашков, приехав в Москву, в свой дом на углу Тверской, заболел и скончался. Вся усадьба перешла по купчей от 28 сентября 1810 г. к графу Ираклию Ивановичу Моркову, знаменитому воину, заслужившему во многих кампаниях высокие отличия. За штурм Очакова в декабре 1788 г. по представлению Суворова был произведен в полковники, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость», но редкий случай – его наградили еще двумя Георгиями: за штурм Измаила, где его тяжело ранили, и за сражение с польскими повстанцами. Во время Отечественной войны 1812 г. он, командуя московским ополчением, участвовал в битвах при Бородине, Малоярославце, Вязьме и Красном, за что награжден орденом Св. Александра Невского. Умер Морков 76 лет в Москве, могила его сохранилась на Ваганьковском кладбище.



*В. А. Тропинин. Ираклий Иванович Морков с семейством. 1813 г.*

В доме Моркова, стоявшем в глубине участка, жил вместе с семьей его крепостной Василий Тропинин, ставший знаменитым художником. По словам современников, Морков был типом избалованного и своевольного вельможи екатерининского времени, и он только после продолжительных уговоров согласился освободить художника от крепостной зависимости, но еще долго не отпускал его семью.

Дом Моркова – прекрасный образец архитектуры русско-

го классицизма – сохранялся до реконструкции Тверской, когда его снесли вместе с частью доходного жилого здания, выстроенного в 1891 г. по красным линиям Тверской и Камергерского переулков (архитектор Б. В. Фрейденберг), – оно, украшенное затейливой башенкой на углу, видно на многих фотографиях Тверской. Теперь же осталась только половина его по линии Камергерского. В доме в начале 1920-х гг. находилось кафе «Десятая муза», названное в честь музыки кино. В нем собирались кинематографисты, подписывались контракты на постановку фильмов, принимались на работу операторы, художники, актеры. Приходили и поэты – Бурлюк, Каменский, Маяковский. В доме были квартиры скрипача И. В. Гржимали, певицы М. А. Дейши-Сионицкой.

Рядом – наиболее известное в этом переулке здание Московского Художественного театра. Участок, где стоит театр, в XVIII в. был разделен на две части переулком, продолжавшим соседний Дмитровский. В 1760–1770 гг. обе части вместе с переулком перешли к князю П. И. Одоевскому, построившему здесь деревянные хоромы. Новый, большой участок тянулся через весь квартал, и сад его выходил к теперешней Тверской площади. В 1812 г. хоромы сгорели, и к 1818 г. князь выстроил великолепное каменное здание с пышным шестиколонным портиком и двумя флигелями по сторонам.

В мезонине главного дома в 1820-х гг. жил В. Ф. Одоевский, основатель кружка «любомудров», молодых людей, изучавших философию, эстетику, близких по настроению к



декабристам. Членами его были Д. В. Веневитинов, М. П. Погодин, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский. «Две тесные каморки молодого Фауста... были завалены книгами, фолиантами, квартантами и всякими октавами, – на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах, – так что пробираться между ними было мудрено и опасно, – вспоминал М. П. Погодин. – На окошках, на полках, на скамейках – склянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякие орудия. В переднем углу красовался человеческий костяк с голым черепом на своем месте и надписью „Sapere aude” („Осмеливайся познавать”)».

Наследница П. И. Одоевского В. И. Ланская часто сдавала свой дом внаем. Так, в 1832–1836 гг. в главном доме жила чета Долгоруких, знакомых А. С. Пушкина, и возможно, что поэт бывал у них.

В 1851 г. дом перешел к С. А. Римскому-Корсакову, сыну известной в летописях Москвы Марии Ивановны Римской-Корсаковой, имевшей гостеприимный и хлебосольный дом на Страстной площади. «Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки...» – писал П. А. Вяземский. С. А. Римский-Корсаков был женат на двоюродной сестре А. С. Грибоедова Софье Алексеевне, бывшей, по мнению некоторых литераторов, прототипом Софьи Фамусовой в «Горе от ума».

С. А. Римский-Корсаков перестроил дом по новой моде – снял портик, колонны, застроил промежутки между главным домом и флигелями, надстроил на них третий этаж и изменил декор фасада. Все это было сделано по проекту архитектора Н. А. Шохина.

Спустя 30 лет, с 1882 г., начинается театральная история этого дома. Архитектор М. Н. Чичагов переделал здание, приспособляя под театр, позади него на месте двора построил зрительный зал и сцену. В новом театре – он часто назывался Лианозовским (по фамилии владельца участка) – состоялся первый спектакль театра Ф. А. Корша, переехавшего через три года в собственное помещение в Петровском переулке. Здесь же начались и спектакли Мамонтовской оперы – 9 января 1885 г. состоялось представление «Русалки» А. С. Даргомыжского. С. И. Мамонтов приглашал в театр гастролеров – здесь пели знаменитые итальянцы Анжело Мазини и Франческо Таманьо. С 1889 г. в Камергерском переулке выступала труппа Е. Н. Горевой, которая была не столько антрепренером (кстати говоря, совершенно неопытным, ибо труппа распалась через два года), сколько замечательной актрисой, обладавшей красивым голосом и ярким сценическим темпераментом. В ее труппе участвовали такие известные актеры, как М. Дальский, М. Петина, Н. Рощин-Инсаров. На сцене театра Горевой 15 января 1891 г. состоялся дебют Л. В. Собинова – он был хористом в гастролировавшей труппе Н. К. Садовского – и М. К. Заньковецкой.

В конце этого же года, 1 октября, здесь начались представления иного рода, о характере которых можно было судить по афише нового театра: «Большое монстр-гала-представление. Приключение на кухне. Большая юмористическая картина в пяти переменах. Французская шансонетная певица». В этом здании обосновался эстрадный театр «французского гражданина из Алжира» Саломона, ставший одним из самых известных в России. Договор с Шарлем Омоном – это был псевдоним Саломона – значил для актера очень многое, он открывал ему дорогу на любую эстрадную сцену России того времени. Тогда же театр в Камергерском переулке был в очередной раз переделан. После этого зал театра было «положительно трудно узнать, – писала „Московская иллюстрированная газета” в 1891 г., – не верится, чтобы частная антреприза для такого дела могла затратить так много денег для отделки помещения, которое положительно поражает роскошью своего убранства и чисто французским шиком». Этот-то пресловутый «шик» и пытались искоренить реформаторы старого театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, когда сняли здание для Художественного театра. Благодаря энергии и средствам Саввы Морозова, бескорыстной работе одного из известнейших московских архитекторов Ф. О. Шехтеля (при участии известного впоследствии архитектора И. А. Фомина) интерьеры театра полностью изменились. По выражению Станиславского, «вертеп разврата превратили в изящный храм искусства». Он в особенности отмечал, что «в

отделке театра не было допущено ни одного яркого и золотого пятна, чтобы без нужды не утомлять глаз зрителей и приберечь эффект ярких красок исключительно для декораций и обстановки сцены». Сезон в новом театре открылся вечером 25 октября 1902 г. спектаклем «Мещане», а утром этого же дня артисты скромно справили свое новоселье. Снаружи здание почти не переделывалось – только установлены двери изящного рисунка с козырьками и светильники (в которых поставили новинку – два дуговых фонаря), а также барельеф А. С. Голубкиной «Пловец» над правым входом. Долгое время часть первого этажа сдавалась под различные торговые помещения: на старых фотографиях красуются вывески винного магазина «Кахетия», кондитерской «Миньон» и др. Даже в 1929 г. здесь помещался магазин игрушек «Мать и дитя», принадлежавший организации под причудливым названием «Охматмлад», что означало – «Охрана матери и младенца».

После многих лет работы театра в этом помещении назрела необходимость капитального ремонта здания. Было решено его значительно увеличить, для чего отрезали старую сценическую коробку и передвинули ее назад, пристроили к ней большое помещение, сделали новые гримерные, склады декораций, смонтировали новое техническое оборудование сцены и произвели еще множество других усовершенствований. Первый спектакль в обновленном здании был дан 1 ноября 1987 г.



*Новое здание театра имени Станиславского и Немировича-Данченко*

С правой стороны от главного здания на месте бывшего усадебного флигеля в 1914 г. по проекту Ф. О. Шехтеля предполагалось строительство здания для «научного электротeatра» и (в полуподвальном этаже) для кабаре «Летучая мышь». Вместо этого к концу года был построен дом, приспособленный для сдачи внаем под магазины, конторы и выставки. В Первую мировую войну в нем поместился госпи-

таль, который находился здесь и после взятия власти большевиками. Сюда были привезены участники заседания МК РКП(б) в Леонтьевском переулке, раненные взрывом бомбы 25 сентября 1919 г. Позже здание занимало общежитие рабфака имени М. Н. Покровского. Театру оно передано только в 1938 г.

До Большой Дмитровки протянулся основательный жилой дом (№ 5/7), на углу которого находится известный многим книголюбам магазин «Педагогическая книга» (открытый в 1931 г.). В этом же доме был еще один известный книжный магазин букинистической книги – «Пушкинская лавка», в котором автору не раз случалось сделать желанную покупку, но этот благословенный уголок книжной мудрости исчез – в 2005 г. его закрыли.

Дом построен на территории бывшей усадьбы тех самых Стрешневых, благодетелей Георгиевского монастыря. Они, вероятно, обосновались в этом месте с весьма давних времен. Стрешневы, выходцы из незначительного дворянского рода, возвысились после брака царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, ставшей матерью «тишайшего» царя Алексея Михайловича и бабушкой Петра I. Ее отец, дяди, братья стали боярами, а потомки занимали высшие должности в Российской империи.

В XVII в. усадьба принадлежала боярину Родиону Матвеевичу Стрешневу, дальнему родственнику царицы Евдокии (четвероюродному брату), благополучно пережившему

несколько царствований. Он занимал должность стольника при царе Михаиле и его сыне Алексее, он же был «поезжанином» (участником свадебного поезда) на его свадьбе с Марией Милославской, его в 1653 г. послали на Украину с известием, что русский царь принимает «под свою высокую руку» гетмана Богдана Хмельницкого. Стрешнев присутствовал на венчании на царство сына Алексея Михайловича Федора, он держал на золотом блюде царский венец. Его позднее назначили воспитателем молодого Петра I. Усадьба перешла его сыну Ивану Родионовичу, и до середины XIX в. она находилась в их роду.

Главный дом усадьбы расположен несколько в глубине ее, параллельно улице Большой Дмитровке, его можно увидеть, зайдя во двор с улицы. Здание окружали многочисленные строения, каменные и деревянные, жилые и хозяйственные.

В роду Стрешневых усадьба оставалась до перехода ее к мануфактур-советнику Герасиму Хлудову в 1860 г., а после него к И. П. Шаблыкину; при нем тут располагалась редакция газеты «Новости дня». Его внучка, Е. А. Обухова, построила существующий дом в 1913 г. по проекту архитектора В. А. Величина.

Почти всю свою долгую историю дом на этом участке сдавали внаем. Его снимал Московский университет, так, например, согласно легенде к плану, хранящемуся в Архиве древних актов, датированному 1757 г., «в доме вдовы Натальи Алексеевой дочери Стрешневой» некий «Московско-

го Императорского университета обержист Иван Мецкер» желает построить «для довольствия иностранных профессоров, магистратов и учителей обержу» (auberge – по-французски «гостиница», aubergiste – «содержатель гостиницы»). В 1825 г. купец Доминик Сихлер нанимает на 5 лет в «большом каменном корпусе угловые овалы жилые покои в обеих этажах... для житья и помещения в оных магазина для делания домашних уборов». Это был тот самый модный магазин, в который любила заходить Наталья Николаевна Пушкина, оставлявшая там немалую часть скудных заработков мужа. Впрочем, и перед переворотом 1917 г. здесь тоже были шляпные магазины Au Caprice и A la Mondaine. В 1868 г. тут находилась контора газеты И. С. Аксакова «Москва»; в 1884 г. – редакция юмористического журнала «Будильник». По исследованиям историка В. В. Сорокина, с 1840-х до начала 1860-х гг. здесь жил архитектор и знаток московской старины А. А. Мартынов; в 1867–1868 гг. снимает квартиру издатель газеты «Москва» И. С. Аксаков, где его посещает Ф. И. Тютчев; в 1860–1870-х гг. здесь живет книгоиздатель А. И. Мамонтов – под его квартирой в подвале находилась типография. Здесь в 1872 г. были отпечатаны «Детские песни», составленные женой издателя, под редакцией П. И. Чайковского, в 1880–1890-х гг. живет редактор и издатель журнала «Природа и охота» Л. П. Сабанеев, автор замечательной книги «Рыбы России».

В 1866 г. Л. Н. Толстой снял 6 комнат в бельэтаже старо-



го усадебного дома, «прекрасно меблированных, с дровами, самоварами, водой и всей посудой, серебром и бельем столовым за 155 рублей в месяц». У него на квартире собирались многие знакомые, которым он читал новые главы «Войны и мира».

В 1880 г. тут помещалась редакция журнала «Будильник», в котором было напечатано 10 произведений А. П. Чехова, жил председатель Московского библиографического кружка А. Д. Торопов, обладатель большой библиотеки, у которого собирались московские библиофилы. Во владении селились и студенты университета, впоследствии такие выдающиеся ученые, как астроном В. К. Цераский, зоолог-дарвинист Я. А. Борзенков, физик В. Я. Цингер, а также артист Н. Х. Рыбаков, для которого Островский написал роль Несчастливцева в «Лесе».

Как выяснил знаток московской шахматной истории Ю. Н. Шабуров, после Октябрьского переворота тут был организован первый в Москве шахматный клуб, а в октябре 1920 г. проведена первая Всероссийская шахматная олимпиада, чемпионом которой стал А. А. Алехин.

В большом угловом доме жили знаменитый тенор Леонид Собинов, писатель Лев Кассиль, женатый на его дочери Светлане, артисты М. И. Прудкин, С. В. Гиацинтова, Н. П. Хмелев.

На другой стороне переулка – дом № 2, построенный в 1931 г. кооперативом «Крестьянская газета имени Л. Б. Кра-

сина» по проекту архитектора С. Е. Чернышева. В нем жили многие известные писатели – Н. Н. Асеев, Э. Г. Багрицкий, В. В. Вишневский, В. М. Инбер, Ю. К. Олеша, Л. Н. Сейфуллина, М. А. Светлов, И. П. Уткин и др. Многих тут и арестовали, и, в частности, Бруно Ясенского, автора нескольких романов и поэтических сборников. Он родился в Польше, занимался революцией во Франции и приехал в СССР для того, чтобы помогать коммунистам своим недюжинным талантом, а вместо этого его арестовали по абсурдному обвинению и в 37 лет расстреляли.

Но в этом московском переулке каких только жителей не арестовывали, а потом убивали: тут и латыш Генрих Юссак, начальник транспортного отдела, и русский Владимир Бубекин, редактор «Комсомольской правды», и болгарин Михаил Михайлов, зубной врач, и еврей Яков Каменецкий, экономист, и грузин Адам Тандилошвили, работавший на дому по пошиву тапочек...

Совсем невидное, скромное здание рядом (№ 4), построенное в 1830–1840-х гг., может похвастаться многими известными жильцами. В нем находилась гостиница Ипполита Шевалье, бывшая в числе первых в Москве. Гостиница была популярна среди завязанных балетоманов, посетителей недалеко расположенных театров. Специально для них ресторан гостиницы предлагал «готовый ужин, состоящий из чашки бульону и трех блюд, по одному рублю серебром». Ресторан занимал две небольшие комнаты и залу с несколькими круглы-

ми столами для немногих избранных посетителей. С рестораном соединялся зимний сад, полукруглое помещение которого можно увидеть со двора. Во времена вошедшего в моду *le style russe*, с его половыми в расшитых рубашках навывпуск и громом музыкальных машин, ресторан сохранял благородную классическую обстановку со служителями во фраках и французской кухней.

Неудивительно, что именно эту гостиницу порекомендовали французскому путешественнику Теофилю Готье, приехавшему в Москву в январе 1860 г.: «Вскоре я прибыл в гостиницу, где в большом, мощенном деревом дворе под навесами стояла самая разнообразная каретная техника: сани, тройки, тарантасы, дрожки, кибитки, почтовые кареты, ландо, шарабаны, летние и зимние кареты, ибо в России никто не ходит, и, если слуга посылается за папиросами, он берет сани, чтобы проехать сотню шагов, которая отделяет дом от табачной лавки. Мне дали комнаты, уставленные роскошной мебелью, с зеркалами, с обоями в крупных узорах наподобие больших парижских гостиниц. Ни малейшей черточки местного колорита, зато всевозможные красоты современного комфорта... Из типично русского был лишь диван, обитый зеленой кожей, на котором так сладко спать, свернувшись калачиком под шубой». Островский упоминает об этом ресторане в «Не сошлись характерами. Картины московской жизни» – герой его задолжал всем: «и портному, и извозчику, и Шевалье».

В 1851 г. здесь проживал И. И. Пущин, декабрист и лицейский друг Пушкина. В гостинице несколько раз останавливался Л. Н. Толстой. В первый раз он пробыл здесь в декабре 1850 г. недолго, переехав вскоре на Сивцев Вражек. Второй раз приехал в 1858 г. В дневнике 15 февраля Толстой записал: «Провел ночь у Шевалье перед отъездом. Половину говорил с Чичериным славно. Другую не видал, как провел с цыганами до утра...» Третий раз он посещает этот дом 23 декабря 1862 г., когда приезжает в Москву с женой. Фет вспоминал, как он «с восторгом узнал, что Лев Николаевич с женой в Москве и остановились в гостинице Шеврие, бывшей Шевалье... Несколько раз мне, при проездах верхом по Газетному переулку, удавалось посылать в окно поклоны дорогой мне чете». Описание гостиницы, где жил Толстой, встречается и в «Казаках», и в «Декабристах».

Здесь у Толстого часто бывали его знакомые, представители московского литературного мира – А. Н. Островский, А. А. Фет, Д. В. Григорович и др.

Эта гостиница связана и с последними днями П. Я. Чаадаева. Он был одиноким человеком и часто обедал либо в Английском клубе, либо «у Шевалье». За день до кончины, 13 апреля 1856 г., уже плохо себя чувствуя, Чаадаев, как обычно, побывал здесь.

И с третьим известным именем мы встречаемся тоже в этом доме. В конце мая 1855 г. сюда приехал Н. А. Некрасов. Врачи посоветовали ему пить искусственную минераль-

ную воду, которая производилась в Москве. Некрасов прожил тут, возможно, до середины июня, когда переехал на дачу в Петровском парке, нанятую В. П. Боткиным.

По исследованиям Ю. А. Федосюка («Чайковский в родном городе». М., 1960) тут в 1868 г. жила замечательная певица Дезире Арто, гастролеровавшая в Москве. Чайковский подпадает под обаяние ее голоса и начинает настойчиво ухаживать за ней. Был даже назначен день помолвки, но, как писал отцу сам композитор, «во-первых, ее мать... противится этому браку, находя, что я слишком молод для дочери, и по всей вероятности, боясь, что я заставлю ее жить в России. Во-вторых, мои друзья и, в особенности, Рубинштейн употребляют самые энергические усилия, дабы я не исполнил предполагаемый план женитьбы. Они говорят, что, сделавшись мужем знаменитой певицы, я буду играть весьма жалкую роль мужа моей жены. То есть буду ездить за ней по всем углам Европы, жить на ее счет, отвыкну и не буду иметь возможности работать, словом, что, когда любовь моя к ней немножко охладет, останутся одни страдания самолюбия, отчаяние и погибель», в чем они, весьма возможно, были правы. Однако все вскоре разрешилось – Арто уезжает на гастроли и выходит замуж. Чайковский как будто спокойно встречает это известие и не вспоминает о ней, но, как писал его друг, через год Арто выступает в Москве, и Чайковский присутствует на спектакле: «Когда в 1869 г. Арто в первый раз выступила на сцене Большого театра, мне пришлось си-

деть в партере рядом с Чайковским, волновавшимся очень сильно. При появлении артистки на сцене он закрылся биноклем и не отнимал его от глаз до конца действия, но едва ли мог много видеть, потому что у него самого из-под бинокля катились слезы, которых он как будто не замечал».

Интересно отметить, что еще недавно видная со стороны улицы надстройка на самом верху здания была разрешена в 1879 г. только временно – она предназначалась для ателье «фотографа Императорских театров» М. Н. Канарского.

Правая сторона Камергерского переуллка заканчивается жилыми доходными домами, стоящими на бывшем участке Георгиевского монастыря. Они были выстроены в 1870-х гг., принадлежали Синодальному ведомству и, как правило, предназначались для сдачи внаем. В доме № 6 16 мая 1886 г. родился русский поэт В. Ф. Ходасевич: «Это событие произошло в 1886 году, 16 мая по старому стилю, в полдень. Родители мои жили в Москве, в Камергерском переулке, в доме Георгиевского монастыря, впоследствии перешедшем к Синодальному ведомству. Дом был кирпичный, нештукатуренный, двухэтажный – верхние этажи, надстроенные позже, – и приходился как раз напротив того дома, в котором тогда помещался театр Корша, затем – увеселительное заведение Шарля Омона и, наконец, Художественный театр, существующий в этом здании по сей день». Мемориальной доски на этом здании в честь незаурядного поэта нет, но есть другая. Дом отмечен мемориальной доской в честь композитора С.

С. Прокофьева. Он переехал сюда в квартиру второй жены и провел последние годы жизни (1947–1953) в доме № 6. Тогда он, несмотря на тяжелую болезнь, работал над балетом «Сказ о каменном цветке» и последний фрагмент этого балета закончил за несколько часов до смерти. В 2008 г. здесь открыли занимающий три этажа музей композитора, где в экс позиции восстановлен его кабинет, показаны личные вещи, автографы, скульптурные и живописные портреты, эскизы декораций, звучит музыка Прокофьева, на большом экране показываются постановки его опер и балетов, на стенах фотографии Москвы.

На Тверскую площадь выходит часть **Столешникова переулка**. До 1922 г. эта часть – от площади до Большой Дмитровки – называлась Космодамианским, или Шубинским, переулком по церкви свв. Космы и Дамиана, называвшейся «на Ржищах», или «что в Шубине», по прозвищу владельца участка, находившегося, вероятно, рядом, боярина Иакинфы Шубы, воеводы великого князя Дмитрия Донского, павшего в бою с Ольгердом. В 1368 г. литовский князь Ольгерд напал на Московское княжество, и князь Дмитрий Иванович отправил ему навстречу сторожевой полк под командованием бояр Дмитрия Минина и Иакинфы Шубы. «Уже Ольгерд, как лев, свирепствовал в Российских владениях, не уступая монголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города», – рассказывает Н. М. Карамзин. У Тростенского озера он ударил со всею силой на московские полки, и они были

истреблены совершенно. Тогда же и погиб воевода Иакинфа Шуба. Москву, однако, Ольгерд взять не смог – он три дня простоял под городом, ограбив все окрестные селения.

Первое документальное упоминание о Космодамианской церкви как о деревянной относится к 1625 г. – ее здание заменили в следующем году на каменное. Главный ее престол освящен во имя Благовещения Богородицы, придел с юга Космы и Дамиана, а с севера – Воскресенский, перенесенный из одноименной, что в Скоморошках, церкви, стоявшей на углу Столешникова и Большой Дмитровки.

Обветшавшую Космодамианскую церковь начали перестраивать в 1703 г., но окончить ее удалось только через 20 лет из-за указа Петра I о запрещении каменного строения по всей России в 1714 г.

Колокольни при церкви нет, ибо построенная в 1857–1858 гг. вместо старинной была в советское время разрушена. Уцелели кованые железные двустворчатые двери в северном и южном порталах и белокаменная надгробная доска на южной стене. В церкви долгое время (с 1930 г.) находилась библиотека иностранной литературы, а перед тем как она была возвращена церкви – типография.

Эта церковь памятна тем, что в 1916 г. в ней отпевали В. И. Сурикова – в последние годы он жил рядом, в гостинице «Дрезден» на Тверской.

Рядом с церковным участком была большая усадьба (№ 6), принадлежавшая в XVII в. князьям Жировым-Засекиным,



а в первой половине XVIII в. — князьям Сонцовым-Засекиным и Жировым-Засекиным и перешедшая в 1752–1755 гг. к капитан-поручику О. И. Кожину. Он построил между 1760 и 1764 гг. в глубине участка двухэтажные каменные палаты, дошедшие до нашего времени и надстроенные его сыном, гвардии прапорщиком Н. О. Кожиным в 1810 г. Двор этого дома был свидетелем драмы, разыгравшейся в сентябре 1812 г., когда там французами были расстреляны 18 человек, обвинявшихся в поджогах. В 1820–1860-х гг. здесь помещалась гостиница «Германия». В конце 1830-х гг. в ней жил декабрист И. А. Фонвизин.

В соседнем доме на углу с Большой Дмитровкой (№ 8/13) также находилась гостиница, известная под разными именами — «Блеск», «Централь», «Версаль», переименованная в советское время в «Спартак». Об этой гостинице писал И. А. Бунин в рассказе «Казимир Станиславович»: «...никто из приезжающих в „Версаль“ не предъявлял визитных карточек... гостиница была скверная».

На месте этого дома до 1816 г. стояла Воскресенская церковь, «что в Скоморошках», то есть в местности, населенной артистами того времени — скоморохами. Она впервые упоминается в 1472 г.; три придела ее были построены в 1600 г. князем Василием Жировым-Засекиным, один из них (верхний) был его, а потом князя Алексея Козловского домовою церковью, который в 1772 г. сообщал в Московскую консисторию, что придел находится на его «содержании». От церк-

ви к его дому вел переход через арку к противоположной стороне переулка.

В числе многих московских церквей, погоревших в пожар 1812 г., ее не стали восстанавливать – еще в 1806 г. ее посчитали настолько ветхой, что даже запретили проезд через Космодамианский переулок. Она, как было написано тогда, «по ветхости угрожает падением», и в 1816 г. ее разобрали вместе с каменной аркой.

В доме, построенном в 1820-х гг. и надстроенном в 1873 г., жили историк И. Д. Беляев, опубликовавший исследование об урочище «Старые Скоморошки», архитектор А. П. Белоярцев, издатель, выпускавший в продолжение многих лет московские справочные книжки, Карл Нистрем. В 1924 г. – редакция шахматного журнала «64», издательство по физкультуре и спорту, а также театральная студия имени М. Н. Ермоловой.

В доме находилось множество магазинов, и, в частности, оптический «А. И. Мильк и сын», в котором А. П. Чехов обычно заказывал пенсне.

Сейчас вся левая сторона переулка занята зданием Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, бывшего Института марксизма-ленинизма, которое было выстроено первоначально для хранения и работы с документами архива Ленина, к которым позже присоединились документы Маркса, Энгельса и Сталина. Скудное ящикоподобное здание строилось по проекту архитектора С. Е.

Чернышева в 1926 г., а в 1980 г. к нему пристроили не лучше прежнего новое (№ 3/15) со стороны Большой Дмитровки (архитектор Ю. Н. Шевердяев) с барельефными изображениями мрачных лиц основоположников марксизма-ленинизма.

На его месте до 1973 г. стояло скромное двухэтажное здание, в котором жил знаменитый типографщик и книгопродавец С. А. Селивановский. Со стороны переулка была вывеска типографии с датой ее основания – 1796 г. После некоторого перерыва она просуществовала до 1859 г. и была самой долговечной среди частных типографий. В ней печатались многие сочинения Н. М. Карамзина и К. Ф. Рылеева. В 1797 г. Селивановский издал один из первых путеводителей по Москве – «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы...», а в 1827–1831 гг. лучший московский путеводитель начала XIX в. – «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского...», написанный Иваном Гурьяновым. В его четырех объемистых томах, которые давно надо было бы переиздать, содержится множество драгоценных сведений о Москве того времени.

В 1822–1825 гг. Селивановский начал выпуск энциклопедического словаря, однако издание его приостановилось после выступления декабристов на Сенатской площади. В типографии полиция произвела обыск, отпечатанные тома увезли в Петербург, ибо до сведения начальства дошло,

что в «Словарь» Селивановского проникли свобододолюбивые идеи. Один из декабристов, В. И. Штейнгель, говорил о Селивановском: «Он и без привлечения в общество содействует достижению его целей изданием книг, распространяющих свободные понятия». В доносе из Москвы бдительные наблюдатели сообщали, что Селивановский сам участвовал в «заговоре 14-го Декабря... У него печатались манифесты злоумышленников, но для сокрытия всего, – прибавляли для пущей важности соглядатаи, – даже самые литеры после отпечатания были перелиты».

У Селивановского в этом доме бывали многие известные литераторы, жил П. М. Строев, археограф, собиратель летописного русского наследия. Один из посетителей, профессор Московского университета, ботаник и филолог М. А. Максимович, вспоминал: «Помню, когда, бывало, ни зайдешь к П. М. Строеву, жившему в доме Селивановского на Дмитровке, – вечно застаешь его над Ключом к Истории Карамзина». Тогда Строев составлял указатель к знаменитому труду Н. М. Карамзина «История государства Российского». Эта «циклопическая», по выражению его биографа, работа вышла в 1836 г. в двух томах, о которых отозвался А. С. Пушкин в «Современнике»: «Издав сии два тома, Г. Строев оказал более пользы Русской Истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятыми... Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение Русской Истории». Сам знаменитый историк Н. М. Карамзин после пожа-

ра 1812 г. квартировал у Селивановского. В 1820-х гг. в этом доме жил С. Н. Бегичев, член Союза благоденствия, друг А. С. Грибоедова.

После смерти С. А. Селивановского и дом, и типография перешли к его сыну, тоже издателю. Он устраивал у себя литературные вечера, на одном из которых в октябре 1837 г. во время чтения Н. А. Полевым драмы «Граф Уголино» В. Г. Белинский познакомился с артистом П. С. Мочаловым. Типография действовала долгое время – еще в 1864 г. в газете «Московские ведомости» объявлялось: «Типография, словолитня и гальваноластика Семена Селивановского в Москве, 1793 года... Принимает книгопечатание. Адресовать на Большую Дмитровку, в дом г-жи Петровой (внучки С. И. Селивановского. – *Авт.*), в контору типографии». В 1870-х гг. тут помещались меблированные комнаты, в которых в разное время жили артисты Б. В. Корсов, Л. И. Градов-Соколов, Ф. П. Горев, писатели Д. В. Аверкиев и В. А. Слепцов. В 1920-х гг. тут обосновалась столовая кооператива «Коммунар».



*Церковь Св. митрополита Алексия на Глинцах*

В связи со строительством нового здания Института марк-

сизма-ленинизма открылся еще один проезд с Большой Дмитровки на Тверскую площадь. Любопытно, что он повторяет направление старинного Квасного переулка, видного на планах Москвы второй половины XVII в. и позднее отошедшего к частным владениям.

Недалеко от него проходит **Глинищевский переулок** (с 1943 по 1991 г. – улица Немировича-Данченко), названный по местности Глинищи, где стояла церковь Св. митрополита Алексия, построенная в 1685–1690 гг. дьяком приказа Большой казны Иваном Алферьевым, похороненным около нее в 1700 г. В 1787 г. построили новую колокольню вместо старой у ограды с южной стороны от церкви. Алексеевская церковь – единственная в Москве – сохраняла изразчатое покрытие глав, столь типичное для древнерусской церковной архитектуры. В ней находился оригинальный иконостас с иконами знаменитых изографов XVII в.

Несмотря на протесты Грабаря, Нестерова, Васнецова, Юона и многих других известных художников, церковь снесли в 1934 г. На ее месте построили большой жилой дом (№ 5–7, 1938 г., архитектор А. В. Щусев, скульптор Г. И. Мотовилов), в котором поселились многие известные артисты. Тут в 1938–1943 гг. жил В. И. Немирович-Данченко, в 1943–1972 гг. – М. Н. Кедров, в 1938–1959 гг. – О. Л. Книппер-Чехова, в 1938–1946 гг. – И. М. Москвин, в 1938–1973 гг. – А. К. Тарасова, в 1938–1974 гг. – В. А. Орлов, в 1967–1982 гг. – Б. А. Смирнов. Кроме них в доме жили Б. А. Мордвинов, А.

А. Вишневский, Н. П. Хмелев, С. И. Юткевич, М. М. Тарханов, К. Н. Еланская, И. Я. Судаков, И. А. Туманов, В. П. Марецкая и др.

Высокий, в разных своих частях имеющий от 8 до 12 этажей, с крупными членениями фасада, рассчитанный на обозрение с большого расстояния, дом громоздок и, более того, подавляюще велик для небольшого переулка с невысокой застройкой.

На углу переулка и Тверской (№ 1/10) – щедро украшенное здание, в котором находится бывшая кофейня Филиппова. Родоначальником известной московской династии пекарей был Максим Филиппов, который пришел в Москву в 1806 г. и занимался не только выпечкой, но и продажей вразнос пирогов с разной начинкой и калачей. Продолжателем его дела был сын Иван, ставший владельцем уже трех пекарен и получивший в 1855 г. за ассортимент и качество звание «Поставщика двора Его Императорского Величества», а с 1890 г. фирмой управлял его сын Дмитрий, которому принадлежали 34 различных торговых и промышленных предприятия в Москве, на которых работали 1472 человека.

В Москве славились все филипповские изделия, а в особенности калачи и пирожки (переданная Гиляровским сплетня о филипповских пирожках с изюмом и так охотно повторяемая никак и ничем не подтверждается). Тесто для калачей после замеса выносилось на холод, что способствовало молочнокислому брожению и придавало калачам осо-



бый вкус. Они были смесными, из смеси пшеничной и ржаной муки, крупитчатыми или толчеными, обварными и тертыми, тесто для которых очень долго обминали и терли, от куда и пословица «Не терт, не мят – не будет калач» и выражение «тертый калач», то есть «опытный человек». У калача различали «животок» с губкою и ручку, дужку или перевязло. Вообще с калачами связаны многие выражения и пословицы и в числе их – «В Москве калачи, как огонь, горячи».



Д. И. Филиппов значительно расширил дело и построил на Тверской в 1911 г. по проекту архитектора Н. А. Эйхенвальда обширное здание (надстроено в 1934 г.) для булочной и кофейни, украшенной росписями художников П. П. Кончаловского и И. И. Нивинского. В оформлении принимал участие скульптор С. Т. Коненков. В советское время ее превратили в ресторан «Астория» («Центральный»). В гостинице «Люкс», находившейся в том же здании, в 1919 г. было общежитие Комиссариата внутренних дел, переданное в следующем году Коминтерну. В здании в разное время жили многие коммунистические деятели – Хо Ши Мин, М. Торез, В. Ульбрихт, П. Тольятти, Г. Димитров и др.

На правом углу Глинищевского переуллка и Тверской – дом № 2/8, построенный в 1940 г. (архитектор А. Г. Мордвинов), с открытым в 1958 г. книжным магазином под названием «Москва».

В Глинищевском переуллке особенно чувствуется несоответствие громоздких поздних зданий при сопоставлении их с архитектурным памятником XVIII–XIX вв. (дом № 6). Еще сравнительно недавно это здание было несимметрично – левая его часть сгорела, и ее разобрали в начале 1920-х гг. Реставраторы вернули дому первоначальный облик, а интерьеры бывших жилых квартир переделали для пропагандистской организации – Комитета советских женщин, переиме-

нованного после развала СССР в Союз женщин России.

У дома № 6 по Глинищевскому богатое прошлое. Он прежде всего известен своими жильцами – в нем в 1823 г. останавливались будущий декабрист, литератор А. А. Бестужев, известный позднее под псевдонимом Марлинский, декабристы П. А. Колошин и П. А. Голицын, а в 1863 г. здесь была первая семейная квартира молодой актрисы, только что выпущенной из театрального училища, Гликерии Федотовой. У нее часто бывал ее учитель, великий русский актер М. С. Щепкин, а в 1830-х гг. тут останавливалась знаменитая итальянская певица Анжелика Каталани, подарившая свою шаль так восхитившей ее цыганке Стеше, о которой вспоминает Пушкин в стихах, посвященных Зинаиде Волконской.

До строительства этого дома в глубине участка стояли деревянные хоромы, принадлежавшие полковнику Ивану Теплеву, – они изображены на первом сохранившемся плане участка 1756 г. Через некоторое время хоромы сменились каменными палатами князей Черкасских, с 1778 г. принадлежавшими президенту Вотчинной коллегии М. В. Дмитриеву-Мамонову, который, возможно, и строит дошедшее до нашего времени здание. Пройдя через несколько рук, дом обретает нового владельца – купца 2-й гильдии Николая Обера. Сам он и жена его, Мари-Роз Обер-Шаль ме, были хорошо известны в Москве. В 1803 г. Н. Обер стал участником не обыкновенного в Москве зрелища – полета на воздушном шаре. Вместе с известным аэронавтом Жаком Гарнереном он

поднялся на шаре, заполненном горячим воздухом, с поля у Крутицких казарм и опустился недалеко от подмосковной усадьбы князя Вяземского Остафьево.

Жена его имела на первом этаже модный магазин женского платья и предметов роскоши. Магазин, по воспоминаниям современника, был сборным пунктом высшего и богатого московского общества, и часто перед праздниками был «у мадам Обер-Шальме такой приезд, что весь переулок заставлен каретами». В этом магазине покупала наряды Наташа Ростова. Она вместе с Ахросимовой из Старой Конюшенной едет в первую очередь «к Иверской и мадам Обер-Шальме, которая так боялась Марьи Дмитриевны, что всегда в убыток уступала ей наряды, только бы поскорее выжить ее от себя», – пишет Л. Н. Толстой в «Войне и мире». В убыток себе мадам Обер-Шальме торговала не так уж часто, она не гнушалась контрабандой, и недаром за высокие цены в магазине и необыкновенную изворотливость ее прозвали «обер-шельмой». Она, видимо, выполняла и шпионские поручения Наполеона. Он вызывал ее к себе в Кремль, расспрашивая о «настроении умов в России». Мадам Обер-Шальме была вынуждена покинуть разоренную и сожженную Москву вместе с наполеоновской армией. Она погибла вместе со многими французами при переправе через Березину, а дом ее, уцелевший в пожаре 1812 г. – там квартировал наполеоновский генерал, – занял московский обер-полицмейстер.

Дом вскоре перешел к одному из ее сыновей, спасшему-

ся в горниле войны, Лаврентию Оберу. Он сдавал его под гостиницу, называвшуюся сначала «Север», а потом «Англия». В ней, как сообщал «Указатель зданий города Москвы» 1826 г., «нумера расположены спокойно, вины и стол хороши». В гостинице несколько раз останавливался в 1828–1832 гг. А. С. Пушкин. Тут он работал над такими шедеврами, как «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «К бюсту завоевателя», «Дорожные жалобы» и др. В этом доме 29 марта 1829 г. последний раз встретились два великих славянских поэта – Александр Пушкин и Адам Мицкевич. В память этого события 21 июля 1956 г. была установлена мемориальная доска скульптора М. И. Мильбергера с горельефами беседующих поэтов и строками из их стихотворений:

Он говорил о временах грядущих,  
когда народы, распри позабыв,  
в великую семью соединятся.  
Хоть встретились немного дней назад,  
но речь вели они, как с братом брат.

Владелец дома Л. Обер был хорошо знаком с Пушкиным. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1880 г., он рассказал о встречах с ним у себя и в салоне княгини Зинаиды Волконской, неподалеку, в доме на углу Тверской и **Козицкого переулка**.

Дом стоит на земле усадьбы князя И. А. Вяземского (деда известного поэта Петра Вяземского), который продал ее за

25 тысяч рублей жене статс-секретаря Г. В. Козицкого Екатерине Ивановне, обладавшей несметным состоянием. Она происходила из семьи уральских владельцев горных заводов Твердышевых. Богатство их, по преданию, началось от 500 рублей, подаренных Петром I трем братьям, крестьянам Твердышевым, перевозившим его через Волгу. «Шли бы вы промышлять на Урал, – сказал им Петр, – посмотрели бы вы, что делает там у меня Демидов». Так или иначе, но документально известно, что Твердышевы в компании с их родственником Иваном Мясниковым строят на Урале несколько заводов и становятся богачами. В конце XVIII в. все их состояние переходит к четверем дочерям одного из них. Каждой достается по два завода и по 19 тысяч крепостных, не считая денежных капиталов.

Муж Екатерины Твердышевой Григорий Васильевич Козицкий учился в Киевской духовной академии, Лейпцигском университете, был одним из образованных людей своего времени, знатоком древних и новых языков. Козицкий, рекомендованный императрице Екатерине братьями Орловыми, был назначен статс-секретарем при принятии прошений, помогал ей в переводах и заведовал ее литературными делами. Он пользовался репутацией тонкого стилиста, много переводил и издавал, его основным трудом был прозаический перевод «Метаморфоз» Овидия, получивший высокую оценку современников. Он кончил жизнь самоубийством: по «причине меланхолии» закололся ножом, нанеся тридцать две раны.

ны. Отпевали его в соседней церкви Григория Богослова в 1775 г. Его дочери известны в истории русской культуры: старшая, Александра, в замужестве графиня Лаваль, славилась своим светским салоном в Петербурге, ее дочь Екатерина стала женой декабриста С. П. Трубецкого и последовала за ним в ссылку, младшая, Анна, вышла замуж за князя А. М. Белосельского-Белозерского.

Вдова приобрела участок с каменным домом 27 мая 1787 г. и тогда же заказала архитектору М. Ф. Казакову построить в габаритах старого каменного дома, возведенного еще в 1776 г., новый дворец, законченный после 1791 г. (план нового строения был датирован 25 января 1791 г.).

Дом был великолепен и внутри и снаружи. Интерьеры были так роскошны, что это обстоятельство послужило причиной отказа университетских властей от найма его для размещения студентов и профессоров после пожара 1812 г., когда собственный дом университета на Моховой стоял обгорелым и закопченным остовом. Как писал ректор университета И. А. Гейм о доме Козицкой, только нижний его этаж «по простой своей отделке был бы способен для помещения в нем университетских студентов и кандидатов», а второй этаж «отделан так богато и убран так великолепно, что никаким чиновникам, а того менее студентам, в оном жить никак не можно, чтоб не испортить штучных полов и штофных обоев, огромных дорогих трюмо и прочее...».

После Козицкой дом перешел к ее дочери, княгине А. Г.



Белосельской-Белозерской. Ее падчерица княгиня Зинаида Волконская жила в этом доме – «известная в свое время красавица, женщина очаровательного ума, блестящих художественных дарований, друг Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Шевырева, Веневитинова, она оставила след в истории нашего художественно-литературного развития», – пишет о ней князь С. М. Волконский.

Ее салон пользовался большой популярностью, его посещали все самые известные представители русских культурных кругов. «В Москве дом княгини Зинаиды Волконской, – вспоминал князь Вяземский, – был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавцы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления Итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома... Помнится и слышится еще, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела Элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,  
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения».

Пушкин обращался к хозяйке:

Среди рассеянной Москвы,  
При толках виста и бостона,  
При бальном лепете молвы  
Ты любишь игры Аполлона.  
Царица муз и красоты,  
Рукою нежной держишь ты  
Волшебный скипетр вдохновений,  
И над задумчивым челом,  
Двойным увенчанным венком,  
И вьется и пылает гений.  
Певца, плененного тобой,  
Не отвергай смиренной дани,  
Внемли с улыбкой голос мой,  
Как мимоездом Каталани  
Цыганке внемлет кочевой.

В доме выступали талантливые великосветские любители – виолончелист граф Михаил Виельгорский, певица Екатерина Риччи и др., да и сама хозяйка обладала прекрасным голосом. «Поет как ангел», – говорил П. А. Вяземский.

Концерты проходили «на сцене комнатного театра, чрезвычайно красивого, — отмечал князь Петр Шаликов в рецензии на один из концертных вечеров в декабре 1826 г. — Глаза мои, — продолжал он, — несколько раз прочитывали на фронтоне театра следующую *справедливую* надпись. „Ridendo dicere verum” (смеясь, говорить правду); а по бокам с одной стороны: „Molière” (французский драматург), с другой: „Cimarosa”» (итальянский композитор. — *Авт.*).

Но не только такие вечера происходили в этом доме. В Москве, скованной страхом после казни декабристов, многие старались забыть о жестоких наказаниях, постигших восставших. Только некоторые восприняли это как крушение всех надежд на поворот России от деспотизма к нормальному существованию, и в числе их был Петр Вяземский. Узнав о казни декабристов, он пишет: «При малейшей возможности, тотчас вырвался бы я из России надолго... Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно нестерпимо... Я не могу, не хочу жить спокойно на лобном месте, на сцене казни!...»

Соглядатаи сообщали, что в Москве «между дамами, две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство, — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг...».



Княгиня Зинаида 26 декабря 1826 г. открыто устроила у себя вечер, на котором приветствовала уезжавшую на каторгу к мужу Марию Николаевну Волконскую, написавшую об этом вечере: «В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской... она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памяты навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, бывших тогда в Москве, и несколько талантливых девиц московского общества; я была в восторге от чудного итальянского пения, а мысль, что я слышу его в последний раз, еще усиливала мой восторг. В дороге я простудилась и совершенно потеряла голос, а пели именно те вещи, которые я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участие в пении. Я говорила им: „Еще, еще, подумайте, ведь я никогда больше не услышу музыки”».

Через два года княгиня Зинаида уехала из России и поселилась в Риме, купив там виллу, в которой ныне британское посольство. В саду виллы автор был рад видеть скульптурные бюсты тех, кто был близок княгине Волконской.

В Москве в ее бывшем дворце на Тверской регулярно сдавались помещения: там находился пансион Э. Х. Репмана, Русский охотничий клуб, Московский коммерческий суд, Первая женская гимназия, инженерное училище, литератур-

но-художественный кружок и др.

В 1870-х гг. дом приобрел подрядчик Малкиель, разбогатевший на интендантских подрядах. Это о нем писали тогда: «Немудрая, кажется, вещь – солдатская подошва, но г. Малкиель блистательно доказал, что при некотором проворстве рук из нее можно выкроить баснословное богатство, громкое, хотя и не весьма почетное имя, удивление современников и даже бессмертие в потомстве. Все это, конечно, при условии, чтобы подошва была с гнильцой, с фальшецей и с изьянцем, а при удобной okazji и просто картонная».

Новый владелец, купив этот дворец, неузнаваемо его перестроил согласно моде – были сняты классические портики и колонны, изменен фасад (1874 г., архитектор А. Е. Вебер), а очередную капитальную перестройку предпринял Г. Г. Елисеев, глава крупной гастрономической фирмы. Для перестройки был приглашен петербургский инженер Г. В. Барановский, позднее построивший здание для той же фирмы на Невском проспекте. Варвары от гастрономии сломали историческую лестницу дворца, проходивший когда-то под домом проезд, в который могли въезжать кареты, стал главным входом в магазин, а комнаты первого и второго этажей превратились в огромный торговый зал, сверкающий причудливой декоративной обработкой стен и яркими огнями изящных огромных люстр. В нем было «все – от кальвиля французского с гербами до ананасов и невиданных японских вишен», – писал Гиляровский в очерке «История двух домов»,

рассказывая о торжественном открытии этого «храма Бахуса» 23 января 1901 г.

После большевистского переворота дом назывался 1-м Домом Совнаркома. В 1935 г. в нем поселили больного писателя Н. А. Островского, в квартире которого в 1940 г. открылся музей.

Рядом с бывшим домом Козицкой в 1899 г. был выстроен жилой дом (№ 1) по проекту архитектора Г. В. Барановского. Далее по переулку в 1913 г. появился дом № 1а (архитектор В. В. Воейков), а на соседнем, узком и длинном участке № 3, протянувшемся от переулкa до Пушкинской площади, в 1899–1901 гг. были построены доходные жилые дома, плотно заполнившие его (архитектор И. Ф. Мейснер, чья квартира была здесь). В этом доме жили известные артисты М. Ф. Ленин (1908–1912 гг.), немало претерпевший в связи со своим псевдонимом (его фамилия была Игнатюк, а псевдоним он взял в память любимого учителя артиста А. П. Ленского задолго до помощника присяжного поверенного Ульянова), и К. Н. Рыбаков (1912–1913 гг.), сын знаменитого актера. Он исполнял в Малом театре ту же прославившую отца роль Несчастливцева, который «не надо забывать, списан с отца артиста, и когда в названном спектакле Рыбаков произнес слова „сам Николай Хрисанфыч Рыбаков подошел ко мне” и так далее – теперь, как принято говорить, „зал задрожал от аплодисментов”, а у артиста, не ожидавшего оваций, когда он заканчивал реплику, текли из глаз слезы». Здесь же

жил Ф. П. Горев, необыкновенно популярный артист, сыгравший более 300 ролей. «Недюжинный артист с преобладанием чувства над рассудком, вдохновения над техникой», как о нем писали.

В одном из корпусов на территории этого владения в 1874–1875 гг. помещалась мастерская мельхиоровых и гальванопластических изделий Н. Г. Глухова, с которым работал электротехник П. Н. Яблочков, занимаясь усовершенствованием аккумуляторов, динамо-машины, дуговых ламп; при опытах по электролизу впервые получили дугу без регулировки межэлектродного расстояния, что послужило основой для будущей «свечи Яблочкова».

Единственный в этом переулке памятник архитектуры – дом № 5. Первым известным владельцем участка, на котором он стоит, в документах записан купец М. Н. Дудин, а существующий дом был сооружен в несколько приемов в конце XVIII в. при владельцах – генерале Ф. М. Шестакове, П. М. Лобкове и А. И. Лобковой, матери известного библиографа, друга Пушкина С. А. Соболевского. Возможно, что именно в этом доме Соболевский устроил в апреле 1828 г. проводы уезжавшего из России польского поэта Адама Мицкевича, на которых присутствовали московские литераторы и ученые. Мицкевичу преподнесли серебряный кубок с выгравированными на его дне именами присутствовавших и с вложенными в него стихами Е. А. Баратынского. Мицкевич писал об этом прощальном вечере: «Я был глубоко растроган,



импровизировал благодарность по-французски, принятую с восторгом. Прощались со мною со слезами».

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. здесь жила известная певица Екатерина Риччи, урожденная Лунина, двоюродная сестра декабриста.

Этот старинный дом во второй половине XIX в. сдавался под квартиры. Сюда приехал будущий знаменитый историк В. О. Ключевский в 1861 г., когда поступил в Московский университет. «Квартира наша – да и что описывать ее – превосходная комната, с мебелью, в два окна, перегородженная ширмами. Перед окнами длинный забор и сад купеческого клуба; часто буду слушать здесь музыку. Так как дом, в котором мы живем, – не в самой Тверской, а в переулке, то здесь меньше шума, нет неугомонной скакатни экипажей, словом, прекрасно!» – сообщал в письме Ключевский.

В 1872–1873 гг. здесь жил И. В. Самарин, один из самых популярных артистов Малого театра, учившийся у М. С. Щепкина.

В конце XIX – начале XX в. дом принадлежал городу, и в нем помещалась городская типография. Здание и его прекрасные интерьеры были отреставрированы под руководством архитектора А. В. Оха, и в нем сейчас Институт искусствознания.

Угол с Большой Дмитровкой образует жилой дом, построенный в 1934–1939 гг. (№ 21, архитекторы В. Н. Владимиров и Г. Н. Луцкий) для работников милиции на месте церкви

1698 г. По ней переулоч раньше назывался Сергиевским – ее главный престол был освящен во имя Успения, но москвичи знали ее по приделу преподобного Сергия. Издавна она была деревянной, но в 1652 г. было выстроено каменное здание, замененное через 46 лет другим. К нему в 1700 г. пристроили Никольский придел и в 1702 г. выдали антиминс (платок, который кладется на церковный престол для богослужения) в «новопостроенную церковь».

Красивую церковь – особо выделялись ее пышные наличники – сломали и выстроили существующее здание. В газетах того времени можно было прочесть письма новоселов, которые «не удовлетворены ни планировкой, ни качеством отделочных работ, ни оборудованием квартир».

Почти вся противоположная сторона Козицкого переулка была занята большой усадьбой Салтыковых, к которым она перешла, вероятнее всего, в начале XVIII в., когда была продана графу Семену Андреевичу.

Салтыковы играли видную роль в истории России. Произошли они, по родовому преданию, от некоего Прушанина (или Прашинича), пришедшего в XIII в. в Новгород из Прусских земель, от которого пошли Чоглоковы, Шеины, Морозовы. Известно, что сын его участвовал в Невской битве под водительством князя Александра Невского, а потомок его был убит в Куликовской битве. Впоследствии Салтыковы играли ведущие роли при московском дворе.

Удивительно, но почему-то именно семья Салтыковых да-

ла Москве больше всего губернаторов. Первым из них был боярин Алексей Петрович, служивший астраханским губернатором, главой Провиантского приказа и заменивший собой М. Г. Ромодановского в 1713 г. и покинувший в 1716 г. губернаторский пост в результате обвинений в растратах. Родной брат царицы Прасковьи, супруги Иоанна V Алексеевича, Василий Федорович Салтыков был назначен на этот пост в марте 1730 г., но пробыл на нем очень недолго – он скончался в октябре этого же года, третьим – Семен Андреевич Салтыков (1732–1739). При Петре I он стал генерал-майором, членом Военной коллегии, а при его внуке Петре II он выступил против Меншикова, и именно он арестовал бывшего временщика, а при Анне Иоанновне он был «в великой силе», поддержав ее против тех, кто намеревался ограничить самодержавие, что, конечно, не осталось без вознаграждения: он получил чин генерал-аншефа, придворное звание обер-гофмейстера, орден Св. Андрея Первозванного. Его назначили московским главноначальствующим и первоприсутствующим в Московской конторе Сената, а через год был оглашен именной указ «о пожаловании Семёна Салтыкова в российские графы». Императрица снабдила нового губернатора подробной инструкцией, «чтоб во всем здесь, на Москве, надлежащий добрый порядок содержать и всякие непорядки, конфузии и замешания по крайней возможности престоережены и отвращены были». Он занимался ремонтом зданий в Кремле – Ивановской колокольни, Ар-

хангельского и Спасского соборов, а также в нескольких московских церквях, занимался правилами дорожного движения. Так, он объявил, что, «несмотря на прежние указы, многие люди и извозчики ездят в санях резво, и верховые их люди перед ними необыкновенно скачут и на других наезжают, бьют плетьюми и лошадыми топчут; за такую езду указ грозил жестоким наказанием или даже смертною казнию». Салтыков утверждал правила постройки московских домов – «чтоб в два этажа строить дома в Москве запретить», что долго еще не принималось во внимание. При нем Москву 29 мая 1737 г. поразил один из самых страшных пожаров – тот самый, который занялся от свечки, оставленной в доме в приходе Антипия у Колымажного двора, у киота, откуда и пошла пословица: «Москва от копеечной свечи сгорела».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.